

Издательский дом «КомпасГид»

ЕВГЕНИЙ РУДАШЕВСКИЙ

ПОЖИРАТЕЛЬ
ищет
БЕЛУЮ СОВУ

Евгений Рудашевский

Пожиратель ищет Белую сову

ИД "КомпасГид"

2023

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

Рудашевский Е.

Пожиратель ищет Белую сову / Е. Рудашевский — ИД
"КомпасГид", 2023

ISBN 978-5-907514-65-2

Анипа вместе с родителями и младшим братом живёт посреди тундры, в стойбище Нунавак. Они готовятся к зиме и делают запасы, чтобы потом, сидя в землянке с зажжёнными жирниками, петь песни и рассказывать весёлые истории. Но им мешают пожиратели. Эти страшные существа высасывают из человека душу и оставляют его опустевшую оболочку. Пожиратели поселились за Чёрной горой и теперь угрожают Нунаваку. Из-за них жители стойбища летом поймали лишь двух моржей – слишком мало, чтобы прокормиться в холода. Анипа переживает за родных, а ей ещё нужно разобраться со своими заботами, ведь отец отдаёт её в жёны нелюдимому чужаку. Как поговорить с будущим мужем, если у него нет языка, и куда подевался мамин брат? Кто такие пожиратели? Почему никто не пострадал, когда они напали в последний раз? Анипе предстоит ответить на эти вопросы. Она должна понять, какую тайну хранят взрослые, ведь от этого зависит жизнь всего стойбища. Евгений Рудашевский – лауреат премий им. В. П. Крапивина, «Книгуру» и «Золотой Дельвиг». Его произведения входят в каталог выдающихся детских книг мира «Белые вороны» Мюнхенской международной детской библиотеки и переводятся на иностранные языки, а последний опубликованный роман «Истукан» стал победителем премии «Книга года – 2022». Произведения Рудашевского известны не только захватывающими сюжетами, но и глубокими рассуждениями о взрослении, восприятии мира и взаимоотношениях с дикой природой.

УДК 821.161.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907514-65-2

© Рудашевский Е., 2023

© ИД "КомпасГид", 2023

Содержание

Глава первая. Анипа бежит от Чёрной горы	7
Глава вторая. В брюхе у кита	11
Глава третья. Где Илютак потерял язык	17
Глава четвёртая. Пляска Белой совы	22
Глава пятая. Стулык ищет чистый рот	26
Глава шестая. Зелёные сполохи неба	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Евгений Рудашевский

Пожиратель ищет Белую сову

In angello cum libello

*Ночью она покинула стоянку. Мы больше не произносили её имени
– никто не должен упоминать имени человека, ушедшего на поиски
Снежного странника.*

Фарли Моуэт. Снежный странник

*Змеясь среди скал, вверх вела тропка. Она то скрывалась среди
каменных нагромождений, то лепилась тонким карнизом над крутизной.
Тропа предков.*

Юрий Рытхэу. Нунивак

© Рудашевский Е. В., текст, 2023

© ООО «Издательский дом «Тинбук», 2023

Глава первая. Анипа бежит от Чёрной горы

«Медведь услышал, как чавкает лисица, и позавидовал ей.

– Делись! – заревел медведь.

– Что ты! – ответила лисица. – Для тебя тут совсем мало, ты вон какой! Я лучше научу тебя, как быть сытым, когда нечего есть.

– И как?

– Я ем свои внутренности. Они ох какие вкусные! И ты делай так же.

Медведь был глупый и поверил. Когтями вспорол себе брюхо, начал вытягивать внутренности и занемог.

– Вот недотёпа! – рассмеялась лисица.

Медведю стало обидно. Он рассвирепел и прыгнул на обманщицу, но кишками зацепился за кусты и помер.

– А вот и запас на зиму, – обрадовалась лисица».

Дослушав сказку, Матыхлюк выпустил из рук большой нерпичий поплавок и помчался за ним с холма навстречу кочкарной тундре. Анипа устала веселить брата, к тому же распухшая губа мешала ей говорить, и, когда Матыхлюк отбежал подальше, Анипа вздохнула с облегчением.

За холмом лежал простор, жёлтый, как шкура старого медведя. По одну руку он выводил к Мутной речке, по другую – к прибрежным скалам, а впереди темнели горные кручи. Родители запрещали ходить к морю, но Анипа позавчера тайком выбралась к Скале, похожей на живот, и закопала там в гальку несколько рыбьих голов. Представляла, как они с братом сегодня откопают их и будут обсасывать на обратном пути в стойбище, а пока жевала комочек нерпичьего жира.

Анипа на ходу поправляла мешок из тюленьей кожи и отмахивалась от облачка надоедливой гнуса. Месяц береговых лежбищ морского зайца – самое время собирать морошку, голубику и шикшу. Здесь, в Тихом доле, встречались и луговой лук с холодным белокопытником. Мама нехотя отпустила дочь на женскую охоту за дикоросами. Предпочла бы оставить Анипу в землянке и не сводить с неё глаз, но страх перед грозившей стойбищу бедой заставил родителей пренебречь обычной осторожностью.

Утопая в летнем разнотравье, Анипа срывала продолговатые листочки ползучей ивы и срезала нежные ивовые корешки. Поглядывала на брата и, не сдержавшись, почёсывала зудевший нос. Вслух ругала себя и даже кусала непослушные пальцы, но поделать ничего не могла. Прошло немало дней с той ночи, как бабушка Стулык нанесла ей на лицо чёрные полосы, а припухлость не спадала. Анипа боялась, что навсегда останется раздутой, но гордилась собой: знала, что будет больно, с дрожью следила, как мама готовит костяную проколку, но не проронила ни звука и только не переставая плакала, из-за чего бабушка ворчала и грозила, что узор получится блёклый. Бабушка прокалывала кожу и втирала в неё перегоревший жир, затем пучком сухого мха стирала выступившую кровь. От нижней губы до подбородка опустились четыре сдвоенные полосы. Анипа не думала стать такой же красивой, как мама, покрывшая узорами и лицо, и руки, однако надеялась превзойти Укуну из соседней землянки – в детстве та не вытерпела боли: подбородок украсила, а на носу носила единственную, едва намеченную полосу. Бабушка почувствовала решимость Анипы и, не задавая вопросов, сделала первый прокол на переносице. Анипа всё равно не смогла бы ответить: открой она рот, в опережение любых слов вырвался бы стон.

Нос и нижняя губа распухли, занемели, будто обожжённые снегом, но Анипа была счастлива. Проворочалась бессонную ночь, а утром побежала к Звонкому ручью у Поминального холма взглянуть на своё отражение. Она и сейчас, отвлекаясь от охоты, выискивала мелкие

озёрца – пересчитывала на лице сдвоенные полосы: четыре на подбородке и три на носу. Глядя на отражение в зеленоватой воде, ту же затягивала жилные верёвочки на косах, трогала покрасневшую переносицу и осматривала одежду: лёгкую кухлянку из евражких шкурок, нерпичьи штаны с росомашьей опушкой, бережной ремень. Анипа грустила, признавая, что по-прежнему выглядит обычной девочкой.

Она с прошлого года ложилась спать с Илютаком, своим мужем. Поначалу бабушка не пускала их в отдельный полог, укладывалась между ними, опасаясь, что Илютак подлезет к Анипе раньше времени и повредит её – повреждённая, она не родит ребёнка, – затем убедилась в сдержанности Илютака и оставила их наедине, а недавно, в месяц вскрытия рек, подговорила их ночью прижиматься друг к другу, сказала, что мужское тепло быстрее пробудит в Анипе женщину и они с Илютаком наконец станут настоящими мужем и женой.

Ни чёрные полосы на лице, ни запах мужа пока не помогли. Анипа бросила в озерцо камень – разбила своё отражение – и зашагала дальше, высматривая красные вкрапления личника. Илютак был немногим младше мамы и нетерпения не проявлял, но Анипе самой хотелось порадовать всех беременностью. На долю людей из стойбища в последнее время выпало слишком уж много невзгод.

Анипа шла в задумчивости, слепо поворачивала на голос резвившегося брата и не заботилась о выбранном направлении. Останавливалась сорвать ягоды, высвеченные по-летнему раздобревшим солнцем. Не заметила, как порыв ветра принёс летучую травяную пыль. Анипа загородила лицо руками, но укрыть его от желтоватой взвеси, в которой затерялся даже неугомонный гнус, не могла и, стиснув зубы, терпела усилившийся зуд. Вскоре примчался Матыхлюк. Анипа обняла брата, опустилась с ним на колени, зажмурилась. Они пережидали ветер, мирясь с неприветливостью тундры, и брат плакал из-за улетевшего поплавок. Анипа боялась, что Матыхлюк убежит искать любимую игрушку, поэтому занимала его сказками – прикрыв рот ладонью, говорила о мудрейшем духе, поселившемся в землянке из прозрачных слезинок, об охотнике, побывавшем в стране косаток, и старике, надевшем орлиную шкуру, чтобы подняться к хозяину Верхнего мира.

Когда ветер перестал, Анипа повела брата искать нерпичий поплавок. Матыхлюк отбегал в сторону, однако неизменно возвращался и, понурый, шёл возле сестры. Анипа давала ему свежую морошку, протягивала мешок из моржового желудка, в котором несла чистую воду, и обещала, что сделает заквашенную в крови ягодную толкушу.

- Как? – с сомнением спросил Матыхлюк. – У нас нет крови.
- Будет! Вот увидишь.
- Скоро месяц ухода из гнёзд молодых кайр.
- И что? Времени хватит! – Анипа старалась говорить уверенно.
- А если не хватит?
- Тогда съешь водоросли. Разве плохо?

Анипа руками показала, как обмакивает пучок водорослей в нерпичий жир и, запрокинув голову, медленно опускает его себе в рот. Призналась, что спрятала в прибрежной гальке рыбы головы – они дозрели и ждут, когда Матыхлюк до них доберётся. Брат развеселился. О запрете приближаться к морю даже не вспомнил, хотя обычно боялся его нарушить. Матыхлюк вообще много боялся. Анипе было приятно чувствовать себя смелой, хотя бы в сравнении с младшим братом. В конце концов, папа показывал ему, как бросать гарпун, значит, считал сына почти взрослым.

Сделать новый поплавок легко. Возьми цельную шкуру нерпы, соскобли жир, завяжи отверстия от лап и головы и... надуй! Анипа справлялась с этим не хуже мамы. Однако нерпа охотникам давно не попадалась. Матыхлюк весной едва выпросил себе самый старый и потёртый поплавок. Заменить его будет трудно.

Анипа следовала за братом, перебегавшим с одного холма на другой, и собирала белокопытник, наскоро выкапывала корешки. Обещала себе утром отправиться на берег, к скале Вороний клюв, куда бурей выбрасывало бурые водоросли. Летом они горчили, а к осени становились нежными. Брат будет доволен, но есть водоросли придётся тайком, как и рыбы головы, иначе родители узнают о вылазках к морю и больше не отпустят детей на женскую охоту.

Над головой скользили неугомонные глупыши. Они поблёскивали белым пузом, смотрели на Анипу чёрными угольками глаз и на лету кричали скрипучими голосами – так в мороз скрипит свежавший снег. Поджатые лапки глупышей чуть подрагивали под куцым хвостом, крылья с тёмно-коричневыми пятнами казались перепачканными в грязи. Птицы торопились к морю, указывали путь блуждавшим по тундре людям, зазывали их с собой, прочь от болотистых ложбин.

Проводив глупышей взглядом, Анипа задумалась о том, где они живут долгую зиму, прежде чем в месяц ранних птиц вновь объявиться на побережье. Пожалуй, этого не знал и старик Айвыхак, хранивший предания о самых причудливых краях, настолько далёких, что даже зимние вьюги не достигали их пределов. Следом Анипа вспомнила о полосах на опухшем лице. Захотела найти очередное озерцо и лишний раз убедиться в собственной красоте, а если повезёт – увидеть, что припухлость спадает, но вскоре о себе напомнил Матыхлюк.

Анипа решила, что брат нашёл поплавок и зовёт её скорее идти за рыбьими головами, но в руках у прибежавшего к ней Матыхлюка был вовсе не поплавок.

– Что это?

– Мой новый оберег! – заявил Матыхлюк и протянул сестре камень с гладкими обточенными краями.

Анипа взяла находку и обнаружила, что та на удивление лёгкая, будто вырезанная из плавникового дерева. Необычный камень вполне мог стать оберегом, которому позавидовал бы Тулхи из соседней землянки. Анипа хотела поздравить брата, но заметила, что камень оставил на её пальцах бурую грязь, словно его покрыли плохой краской – истолкли сухую ольховую кору, но добавили мало воды, и краска со временем начала шелушиться, отпадать. Смутное подозрение заставило сердце сжаться. Подняв голову, Анипа вздрогнула и выронила камень.

– Ты чего?! – возмутился брат.

Они слишком увлеклись охотой за дикоросами. Бегали по просторам Тихого дола, играли и смеялись над медведем, накормившим собой лисицу-прониру. Болтали о водорослях и лакомились моршкой. Анипа беспокоилась о полосах на носу и подбородке, Матыхлюк переживал из-за улетевшего поплавка. Обманчиво длинный солнечный день, едва стеснённый бледными сумерками, убаюкал и заманил в ловушку.

Анипа попятилась. Споткнулась о кочку и, неуклюже расставив руки, села прямоком в лужу. Намочила штаны и помяла ягоды, сложенные в мешок из тюленьей кожи. Немигающими глазами уставилась на возвышавшуюся над ней Чёрную гору.

– Ой... – простонал Матыхлюк.

Они не заметили, как отклонились к Евразьей поляне, приблизились к извитому руслу страшного Каменистого ручья и добрались до предгорья Чёрной горы. Ни птиц, ни заблудшей лисицы или полёвки. Чёрная гора отпугивала всё живое. Поднимись на её вершину, перевали через мрачный гребень – и не найдёшь обратного пути. Когда окажешься по ту сторону Чёрной горы, как ни встань, она будет у тебя за спиной. Закутает в туман и напустит морок такой силы, что всякий раз, пытаясь к ней вернуться, будешь от неё отдаляться, глубже заходить в гиблые Чёрные земли, в самое сердце Скрытого места.

Анипа стряхнула страх.

Нужно действовать. Немедленно. Пока не поздно.

Анипа вскочила. Кинулась искать веточку, листочек – что-нибудь! – только бы отшвырнуть проклятый камень и больше к нему не прикасаться. Ничего подходящего не нашла.

Сорвала с плеч мешок с дикоросами, запуталась в ремнях и взвыла от досады. В отчаянии упала на колени, закричала на камень самым яростным и громким криком, на какой была способна.

Накричавшись, присмирела. Развязала обережной мешочек, сшитый из двух оленьих ушей, и отобрала лучшие бусины – самые крупные, прежде бывшие зубами молодого моржа и выточенные для Анипы папой. Вслух обратилась к хозяину предгорья, умоляя простить её с братом за то, что они нарушили его мертвенный покой. Положила три бусины возле проклятого камня. Одолев мимолётное сомнение, добавила к ним беленький птичий клювик.

Матыхлюк, ошеломлённый, наблюдал за сестрой. Не пошевелился, когда она позвала его прочь от Чёрной горы. Анипа схватила брата за руку и силой потащила за собой. Вспомнила об испачканных пальцах и принялась тереть их пучком травы. Не помогло. Тогда Анипа заметалась в поисках лужи, но кочки, как назло, всюду попадались сухие. Закружившись, услышала, как её дрожащим голосом окрикнул Матыхлюк, и поняла, что постепенно возвращается назад, к Чёрной горе. Морок действовал даже здесь, в предгорье... Анипа вернулась к брату. Достала мешок из моржового желудка – полила руки чистой водой. Оттёрла бурую грязь с пальцев и прошептала Матыхлюку:

– Бежим.

Из-за горы, из глубин Скрытого места, донёсся шипящий нарастающий гул. Хлестнул ветер. В воздух вновь поднялась травяная пыль. Хозяин предгорья не удовлетворился бусинами и клювиком. Он жаждал крови.

– Бежим! – не выпуская руки брата, повторила Анипа.

Гул и ветер преследовали их, нагоняли грозным накатом, толкали в спину, норовили опрокинуть. Ноги подворачивались на кочках, Анипа и Матыхлюк падали, но помогали друг другу встать и мчались дальше. Только не оглядываться! Что бы там позади ни происходило, Анипа не хотела этого видеть. Рядом, задорно подпрыгивая, пролетел нерпичий поплавок. Напрасная уловка. Если брат и заметил его, то не подал виду. Свободной рукой Матыхлюк зажал ухо. Наклонив голову, спрятал глаза от ослепляющего ветра.

Анипа сквозь слёзы высматривала путь, боялась, что в желтоватой взвеси вновь обнаружит силуэт лукавой горы, однако впереди открывался привычный простор Тихого дола. Бежать становилось проще. Ветер слабел. Тайнственный гул рассеивался и вскоре стал неразличимым.

Добравшись до знакомых холмов и убедившись, что Каменистый ручей далеко позади, Анипа и Матыхлюк остановились отдышаться и привести в порядок сбившуюся одежду.

– Мы были близко, – улынулась Анипа.

– Да, ещё чуть-чуть, и...

– ...и всё! Никаких тебе водорослей и никакого моржового жира.

Анипа заглянула в мешок с дикоросами. Увидела страшную грязюху из перемешанных растений. Показала её брату, и вместе они рассмеялись, до того нелепо выглядела их добыча.

– Я же обещала толкушу!

– И готовить не надо!

Матыхлюк, не удержавшись на зыбкой кочке, повалился на спину. Анипа, смеясь, опустилась рядом с ним. Устав от веселья, посерьёзнела и осмотрела ладони не перестававшего хихикать брата. Следов от злосчастного камня не нашла.

– Пора возвращаться.

Анипа и Матыхлюк отправились напрямик к Ворчливому ручью. Ни словом не обмолвились об утерянном поплавке и томившихся под прибрежной галькой рыбных головах. Перейдя ручей, побежали и не останавливались до самого стойбища.

Глава вторая. В брюхе у кита

Анипа говорила себе, что живёт в брюхе у кита, ведь землянки стойбища Нунавак были построены из китовых костей, добытых в те далёкие годы, когда Каменистый ручей ещё не пробил русло через Евразью поляну, а Прячущиеся озёра стояли полноводные и не исчезали даже в сухие месяцы. Сама Анипа не видела, но папа рассказывал и она представляла, как её предки крепили на склоне ещё не обжитого холма первые столбы из нижних китовых челюстей, как ставили между ними цельные китовые черепа и собирали над ними крышу из китовых рёбер, будто из костей разных китов пытались слепить одного нового, особенно могучего и грозного, способного защитить людей от ветра и дождя. Прорехи в костяных стенах предки Анипы заделывали китовыми позвонками и обычными камнями, снаружи присыпали землёй, а крышу обкладывали толстыми кусками дернины, позволяя своему созданию обрасти мясом, жиром, шкурой, и оно оживало, а зимой было видно, как оно дышит: из отдушины на крыше выходил дым от горевших в землянке жирников. Летом отдушина превращалась в дополнительный вход – по плавниковому стволу с засечками можно было спуститься напрямик в мясной полог, что и сделали Анипа с Матыхлюком, когда, никем не замеченные, вернулись из вылазки в Тихий дол.

Ужас, испытанный под Чёрной горой, едва ослаб, и Анипа не хотела попасться на глаза родителям. Уговорила брата до времени спрятаться на лежанке и помалкивать о проклятом камне. Анипа первая пробралась в мясной полог, пропитанный тёплым запахом чадящих жирников. За ней бесшумно спустился Матыхлюк. Здесь, в брюхе спящего кита, Анипа почувствовала себя в безопасности. Знала, что сюда не доберётся ни одно из уродливых созданий Скрытого места – никакие уловки и наваждения не помогут им пройти мимо оберегов, упрятанных в стену древними охотниками и сохранивших силу по сей день.

За два года родители преобразили землянку, изгнали следы запустения и возвратили ей жилой вид. Когда Утатаун, папа Анипы, в позапрошлом году покинул летнее кочевье и, спасаясь от беды, привёл аглюхтугмит в Нунавак, их встретили пять захудалых землянок, соединённых узенькой, едва приметной тропинкой. Две нижние, с обвалившейся крышей, пустовали и сейчас. В новое стойбище с папой пришли столько человек, сколько у Анипы пальцев на руках, и ещё один. Трёх укрытий им вполне хватило. А ведь когда-то, по рассказам старика Айвыхака, Анипе не хватило бы пальцев на руках и ногах, чтобы посчитать всех аглюхтугмит. Не помогли бы и пальцы брата. И пальцы мамы с папой. Их род был большим, славился мужчинами, бившими кита, и женщинами, украшенными множеством чёрных полос. К ним с почтением относились и другие береговые люди, и люди оленные. Аглюхтугмит устраивали празднества, отзвуки которых достигали Верхнего и Нижнего миров.

– Так, говорят, было... – вздыхал Айвыхак. – Но было давно. Только старики и помнят.

Анипа выглянула в узкий летний проход. Возле малого очага никого не обнаружила – летом им пользовались редко, предпочитали работать у открытого большого очага с другой стороны землянки, – поэтому смело скользнула вдоль стенки и махнула Матыхлюку. Вместе они, осторожно ступая по каменным пластинам пола, перебрались в затенённый спальный полог, где Анипа жила со своим мужем. Сняли с себя мокрую одежду, вывесили её на сушильную треногу и шагнули к лежанке, чтобы переодеться в сухое, но маме потребовалась горстка жира из запасника – она пришла за ним и остановилась в проёме.

Канульга, мама Анипы, была высокой и сильной: без посторонней помощи снимала с санок убитую нерпу, ворочала валуны и растягивала моржовую шкуру так, что та звенела при порывах ветра. На входе в землянку она единственная пригибалась, а входной подкоп, сейчас затопленный талыми водами и до зимы прикрытый китовой лопаткой, папа прошлой осенью расширил и немножко углубил, чтобы маме не передвигаться по нему на коленях. Бабушка

Стулык с гордостью говорила, что прежде в их роду таких женщин не было. Однако догадливостью мама не отличалась, могла не заметить странного поведения детей. Анипа улыбнулась и протянула ей мешок с перемешанными ягодами и растениями.

– Я упала, и всё помялось.

Анипа посмотрела на брата, попыталась взглядом внушить ему, что в сущности говорит правду.

– Но завтра я пойду и... постараюсь не падать.

Канульга рассеянно заглянула в мешок. Анипа не торопила её с ответом. Знала, что маме нужно время. Быстро отвечать она не умела.

Прежде, когда Анипа ещё не родилась, мама была вполне смыслёной, не выделялась ни силой, ни ростом. Всё изменилось после встречи с гнусной старухой из оленных людей. В тот день папа ушёл с мужчинами на охоту, а старуха притворилась несчастной и голодной, попросилась переночевать. Мама накормила старуху моржовым жиром. Увидев на ней изношенные штаны, отдала ей свои новенькие. Старуха якобы в благодарность взялась расчесать маме волосы. Усыпляя Канульгу диковинными напевами, она вела костяным гребнем, а когда мама уснула, срыгнула на пол съеденный жир. Обычная еда старуху не привлекала. Она просунула маме в ухо длинный крючок из моржового клыка, каким ловят навагу, – подцепив, вытащила и съела одну половину мозга. Затем через другое ухо вытащила другую и убежала, оставив маму лежать без чувств.

Утром Канульга проснулась от боли в пустой голове. Руки и ноги не слушались маму, она лишь без толку перекачивалась из стороны в сторону. Без мозга мама поглупела. Даже забыла, как жевать мясо и пить воду. Умерла бы от жажды и голода, но дедушка Кавита позвал говорящего с духами, и тот сразу понял, в чём дело. Он и раньше слышал про старуху, питавшуюся мозгом живых людей. Знал, что она и не человек вовсе, а червец, некогда бывший человеком, но лишившийся души и обречённый скитаться по тундре в непрестанном голоде. По совету того, кто говорит с духами, папа отправился к кочевым людям и привёл от них здоровую олениху; в обмен отдал двух лучших собак – знал, что иного способа спасти маму нет.

Говорящий с духами бил в бубен и просил поддержки у хозяина Верхнего мира, затем убил олениху и бережно вытащил её мозг. Отрезал от него по маленькому кусочку, разжёвывал и вливал маме через костяную трубочку, через которую обычно надувают нерпичий поплавок, то в одно, то в другое ухо. Когда голова Канульги заполнилась, говорящий с духами оставил её в покое. Приказал связать маму и держать на дне пустовавшей мясной ямы. Олений мозг постепенно загустел, и мама ожила. Ей достались сила и выносливость убитой оленихи, а вот ума убавилось. С тех пор Канульга думала медленно, но, глядя на заробевших детей, молчала слишком долго, и Матыхлюк не выдержал: давясь слезами, бросился к маме, обхватил её руками и во всём ей признался.

Матыхлюк рассказал Канульге, как Чёрная гора подманила его с сестрой, как подсунула им проклятый камень и как не хотела их отпускать. Путался и придумывал небылицы, вроде круживших над головой воронов – или вороны в самом деле кружили над братом, да только Анипа, ослепнув от страха, не заметила? – а когда рассказывать больше было не о чем, Матыхлюк заодно проболтался про спрятанные на морском берегу рыбы головы и давнее предложение Анипы тайком подняться до Реки, где видели пятнистого тюленя.

Мама слушала молча и гладила сына по голове. Никто другой не узнал бы о случившемся, но голос и плач Матыхлюка привлекли папу с бабушкой. С ними пришли Акива со своим сыном Тулхи и бездетная Нанук. Матыхлюк вновь поведал о лукавстве Чёрной горы и уже без слёз ответил на бабушкины вопросы. Анипа кивала, подтверждая его слова.

Они с братом достаточно наказали себя испытанным страхом, поэтому их никто не ругал. Папа лишь заметил, что нового поплавок Матыхлюк дожждётся не скоро, потом ушёл в большой спальный полог, где последние дни перекадывал пластины пола. С тех пор как аглюхтугмит

переселились в Нунавк, земля под пологом, прогретая огнями жирников, размокла и осела. Утатауну предстояло до первых холодов завалить образовавшиеся углубления камнями и моржовыми костями, а там, где этого было недостаточно, поверх старого слоя пластин положить новый.

Постепенно все разошлись. Анипа хотела разобрать мешок с помявшимися дикоросами, но в мясном пологе к ней привязался Тулхи, сын Акивы и Укуны. Он был старшим из детей в стойбище и охотился на равных с мужчинами. Он стал бы мужем Анипы, если бы папа не привёл к ней Илютака. Тулхи не скрывал досады, что, впрочем, не мешало ему учиться у Илютака охотничьим уловкам и заодно всячески заботиться об Анипе. Вот и сейчас он схватил Анипу за руку и прошептал ей на ухо:

- Не ходи в Тихий дол!
- Не пойду.
- Нельзя! Понимаешь? Неужели ты глупая?
- Нет.
- Хочешь закончить как Амкауна?!
- Не хочу... – Анипа вздрогнула, когда Тулхи назвал маминого брата по имени.

Амкаун пропал почти сразу после того, как папа встретил Илютака и призвал всех покинуть прибрежные скалы, поселиться в отдалении от моря. Прошло два года, но вспомнить брата Канульги и тем более называть его по имени никто не решался. Нет, Анипа не хотела повторить его участь. Мамин брат заботился о ней, катал её, маленькую, на спине, учил мириться с упряжными собаками и по запаху ветра узнавать о приближении холодов. Амкауна брал дочь своей сестры на первый припай – неподвижное раздолье морского льда – и позволял ей наесться мясной ягоды упы до того, как они приносили улов в землянку. Под конец он часто спорил с папой, а потом пропал, как до него пропадали и другие аглюхтумит.

Остаток дня Анипа с грустью думала об Амкауна и помогала маме. Вместе они отбирали уцелевшие растения из нерпичьего мешка, затем отбивали ивовые корешки – смешав их с моржовым жиром, укладывали в мясную яму для сохранности. Анипа на охоте больше думала об отражении в озёрцах, пренебрегла советом бабушки выкапывать только мягкие, молодые корешки и набрала много лишнего и несъедобного, чем расстроила маму.

Сделав толкушу из помятых и пустивших воду ягод, Анипа с мамой сварили, отжали и вновь сварили листья собранного Канульгой горца. Горец к месяцу береговых лежбищ морского зайца весь зацвёл, и найти подходящие листочки было непросто. Управившись с ними, Анипа с мамой взяли за моржовую шкуру, достаточно пролежавшую в земле и теперь готовую к обработке.

Канульга сказала, что шкура, оставленная на солнце, сделалась бы ломкой. Объяснила, как разложить её на полу, и доверила дочери каменный скребок. Анипа осторожничала, поэтому едва снимала размякший волос. Мама, перехватив руки дочери, показала ей нужную силу нажима, а в довершение сама ещё раз прошлась скребком по шкуре, прежде чем размять её и растянуть жильными ниточками на заранее подготовленных деревянных дугах. Убедившись, что натяжка получилась тугой, Канульга достала маленький женский нож и принялась неторопливо раскалывать шкуру – расслаивать надвое по толщине, нарезаая из одной толстой шкуры две тонкие, желтевшие и просвечивавшие на солнце.

Летом охотники запасали мясо на долгую зиму, рассчитывая вернуться к хорошей охоте уже весной, но за последние месяцы они добыли лишь двух моржей. Шкур у мамы, соответственно, тоже было две, и она побоялась поручить их расколку дочери – отложила обучение до изобильных дней, когда парочка дырок, проделанных неопытной рукой, окажутся нестрашными. Анипа не спорила. Вздвигнутая, она бы и сама не доверила себе столь кропотливую работу. К тому же Анипу не отпускали воспоминания о пропавшем Амкауна.

– Добрая шкура, – приговаривала Канульга. – Крепкая, мягкая. Такая бывает у беременных. Их и надо бить. Моржихи, когда беременные, не дерутся, и ран у них почти нет. Видишь, как идёт? Вот, посмотри, как я держу нож.

Анипа безучастно кивала. Мама не замечала её рассеянности и продолжала вести нож. Анипа, сидя на полу, откинувшись спиной к бугристой стене мясного полога, уткнувшись головой в снеговую лопату, стоявшую тут без дела, и мыслями вернулась в день, когда видела маминного брата в последний раз. К тому времени они с папой наговорились до тошноты и спорили молча. Амкауна усаживался перед Утатауном и смотрел на него с вызовом, а папа отвечал упрямством во взгляде. Они наперёд знали, что именно услышат, если захотят говорить вслух, и довольствовались тем, что своим видом беззвучно напоминали друг другу не раз произнесённые слова. Анипа тогда не понимала, чего добивается каждый из них, но хотела, чтобы противостояние Амкауна и Утатауна прекратилось. Затаившись, наблюдала за ними. Мамин брат злился, а потом ушёл и больше не возвращался.

Тот год выдался голодным. Морской зверь обходил охотников стороной. Если и показывался, то уворачивался от копий и гарпунов. Или срывался и опускался на дно прежде, чем охотники успевали его добить. Так и сейчас. От моря Утатаун, Илютак, Акива и его сын Тулхи возвращались с пустыми руками. Два моржа – скудная добыча.

Аглухтугмит вынужденно охотились на суше. Болтушка Укуна плела силки из нитей старого китового уса, отчего всё лето ходила с обколотыми руками. Мужчины ставили силки в Месте, где ломаются нарты, и за Медвежьим логом. Чтобы не выдать себя, костяной лопаточкой старательно затирали за собой следы. Ловили и приносили в Нунавак куропаток. Женщины срезали с их ножек мясо, толкли его вперемешку с моржовым жиром. Разделявали птиц, чистили рыбу. Свежевали и варили евражек, а евражьим мясом кормили собак. Женской охотой занялась даже бабушка Стулык, обычно почти не покидавшая стойбище и подолгу судачившая с бездетной Нанук. Никто и не думал пренебрегать помощью детей, и Анипа знала, что завтра с Матыхлюком вновь отправится за ягодами и корешками, но уйдёт к Месту, где рассеивается туман.

Как и два года назад, страх перед зимним голодом всюду сопровождал аглухтугмит, однако не отвлекал их от привычных дел. Папа возился с каменными пластинами пола. Илютак перетаскивал разобранные большие сани – нарту – и мирился с мешавшимся под ногами Матыхлюком. От нижней жилой землянки доносился смех Укуны. Собаки скучали – зарылись в ямки и сонно наблюдали за хлопотливыми Акивой и Тулхи. Светло-коричневые и рыжеватые, с особенно длинной шерстью на хвосте и шее, собаки сливались с рыхлой землёй, но выдавали себя подвижными стоячими ушками.

По узкой, местами осыпавшейся тропинке ковылял дедушка Кавита. Он едва шёл и опирался на костяную палку, словно старый морж на каменистом берегу, вынужденный рывками переставлять слабые лапы и на клыках подтягивать неуклюжее тело. В основании холма тропинка закладывала широкие петли, огибала скальные выступы, проходила между двумя заброшенными землянками, затем становилась более отвесной, наконец короткими крутыми петлями обхватывала три жилые землянки и уводила на вершину холма. Дедушке следовало беречь больные ноги, однако он через боль метался по всей тропинке.

– Ну почему?! – пытаюсь настичь Утатауна, сокрушался Кавита. – А?! Неужели сложно? Не представляешь, каково мне... Я лечь не могу, встать не могу, мне сидеть тяжело!

Утатаун, в своё время согласившись жить с Канульгой, заменил дедушке сына, но помочь ему отказывался. Избегал дедушку, а застигнутый им, качал головой и обещал привести в стойбище того, кто говорит с духами.

Когда Анипа была маленькой, дедушка сменил имя в надежде обхитрить терзавших его злых духов – стал Кавитой, а прошлое имя забыл и другим запретил произносить вслух. Злые духи оказались умными, не отступили, а в наказание за хитрость терзали дедушку ещё сильнее.

Он стонал по ночам, в непогоду весь день лежал в землянке. Анипа жалела дедушку, но помочь ему, в отличие от Утатауна, не могла.

Папе вообще не давали покоя. Вот и старик Айвыхак докучал ему разговорами о неизбежном переселении, повторял, что жить в Нунаваке опасно.

– Море нас не кормит! – настаивал Айыхак. – И здесь тревожно. Слишком близко к Чёрной горе! Поднимемся за Стылый гребень, пересечём Место, где злятся старые волки. Уйдём дальше самых дальних земель! Там найдём иные воды. А если повезёт, достигнем Белого простора.

– Тебе до него не дойти.

– Я думаю не о себе. А Канульга там родит ещё детей. И моя Нанук, глядишь, излечит своё брюхо.

Анипа, прячась за камнями, подслушивала Утатауна с Айыхаком и боялась, что папа уступит. Не хотела вновь покидать обжитый полог. Подобно белой сове, от которой Анипа получила своё имя, она быстро привыкала к гнезду и меняла его с неохотой. Да и скитаться по тундре с её облаками кровожадного гнуса – удел оленных людей, не береговых.

– Поговорим позже, – отвечал Утатаун.

Белый простор его не соблазнял. Папа предпочитал освоиться здесь, в Нунаваке, хоть отчасти и признавал правоту Айыхака: они поселились в опасной близости от Чёрной горы. Тулхи рассказывал Анипе, как в месяц вскрытия рек видел пожирателей у самого неба и даже уловил испускаемое ими зловонье. Их дыхание лишает человека воли – окаменев, он не противится, пока из него высасывают душу, не замечает, как становится червцем, обречённым бродить по выжженным полям Чёрных земель. Не зря Утатаун отказался вновь поселиться на берегу – не хотел быть на виду у пожирателей. От слов Тулхи Анипе сделалось не по себе, однако с тех пор, как пропал брат Канульги, в тундре пожиратели не давали о себе знать. Да и Амкауна, если верить ворчанию Стулык, погубил себя по своей же глупости. А если они приуспокоились, зачем уходить из Нунавака? Здесь хорошо! Разве достойно береговых людей, которых оленные люди называли клыкастыми из-за их любви к моржовым зубам, прятаться, словно перепуганная евражка!

Размышляя о том, зачем пожиратели разбрасывают проклятые камни, Анипа отправилась на Смотровой гребень. В прошлом году Утатаун каждый день оставлял там кого-нибудь наблюдать за видневшейся вдалеке Чёрной горой. Смотрители без толку торчали на гребне, часто сбегали в расположенный поблизости Нунавак, и после месяца частых пург папа смирился с их небрежением. Анипа спустилась по тропинке, прошла мимо заброшенных землянок и, приободрённая, взбежала на гребень. Вскоре к ней присоединились Матыхлюк и Тулхи.

Сын Укуны притащил копьё, с которым на днях должен был отправиться на охоту, и смешно грозил невидимым пожирателям, обещал точным ударом пронзить их сердца, если у этих пакостных созданий вообще есть сердце. Тулхи, как в бубен, ударял себя кулаком в грудь, в пляске показывал храбрость – до того порывисто, что рассмешил Анипу. Матыхлюк, напротив, сидел присмиривший и боязливо косился в сторону Тихого дола. Его пугало малейшее упоминание о пожирателях. Едва Тулхи, запыхавшись, опустился на траву, Анипа поторопилась успокоить брата. Рассказала ему, как молодая лисичка провалилась под тонкий речной лёд и вымокла. Ей сделалось холодно. Она хвостиком расчистила от снега камень и расстелила на нём свою шкуру. Затем выложила на камень и свои глаза. Ждала, что солнце их подсушит. Да только рядом пролетал ворон и склевал глаза лисички. Она сослепу не нашла шкуру и вскоре заблудилась. Так и замёрзла – голая и безглазая.

Матыхлюк, слушая сестру, хохотал. Заставил её трижды повторить историю лисички, с каждым разом смеялся всё громче, а потом, зажмурившись, изобразил ослеплённую недотёпу: выставил руки и побрёл по гребню. Тулхи в ответ изобразил ворона: на ходу пощипывал Матыхлюка и норовил сорвать с его головы волосок. Затем они обхватили друг друга и в неравной

борьбе повалились на землю. На мгновение борьба стала настоящей, Матыхлюк даже затравленно взвизгнул, но вскоре они с Тулхи вновь смеялись и беспечно возились в траве.

Анипа слушала их пыхтение, а сама не сводила глаз с берегов Ворчливого ручья, наблюдала за скользящим по тундре ветром и пальцами трогала опухшие нос и нижнюю губу. Сейчас они зудели чуть меньше. Амкауна понравились бы полосы на её лице. Хотя он и без них называл дочь своей сестры красивой. Где он теперь? Анипа надеялась, что Амкаун мёртв. Лучше умереть и свободно родиться в новом теле, как это сделала далёкая бабушка Кавиты. Незадолго до рождения первенца у Канульги она явилась Стулык во сне и предупредила, что хочет вернуться, попросила назвать младенца своим привычным именем, то есть Анипой, а два года назад далёкая бабушка Кавиты уже в новом теле Анипы опять перебралась в Нунавак, где когда-то провела одну из предыдущих жизней. Да, лучше умереть, чем превратиться в червеца.

Анипа улыбнулась. Ей было хорошо. И только предательское любопытство уводило её мысли туда, за грозную Чёрную гору. Хоть бы глазком взглянуть на Чёрные земли! Спрятавшись за скалами, увидеть пожирателей и обездоленных червецов, а среди них, возможно, Амкауна. Анипа многое отдала бы, чтобы проститься с ним. Или помочь ему обрести покой.

Глава третья. Где Илютак потерял язык

Мама в молодости боялась своего мужа. По совету Стулык на ночь оставалась в нижних штанах и подпоясывалась крепким ремнём из шкуры морского зайца. Если Утатаун ложился к ней, она настораживалась, а почувствовав, как по груди скользит ладонь пока чужого ей человека, переставала дышать. Ладонь опускалась ниже, Утатаун плотнее прижимался к маме, но, когда он просовывал пальцы под верхнюю кромку её штанов, она изо всех сил раздувала живот – и ремень сдавливал ему руку. Пойманный в ловушку, он терялся и не знал, как поступить. Рука затекала и начинала болеть. Утатаун с трудом выдёргивал её и, раздосадованный, отворачивался от мамы.

Канульге нравилось вспоминать те невинные дни. Бабушка Стулык смеялась над рассказом дочери, дедушка Кавита подхватывал её смех, даже Утатаун не сдерживал улыбки. В конце концов он добился своего: навалился на маму и так рванул ремень, что порвал мамины штаны. Канульга признала в нём настоящего мужчину и согласилась его любить.

Сама Анипа, отданная Илютаку и впервые оставленная с ним наедине, хотела повторить мамину уловку. Легла в нижних штанах, подпоясалась и ждала возможности раздуть живот, но Илютак, верный обещанию не трогать жену до тех пор, пока она не станет женщиной, не пытался проникнуть под её ремень. Тихо спал рядом и только случайно, ворочаясь во сне, касался Анипы. Прошло много дней, и Анипе стало обидно. Она будто невзначай прижималась к мужу, обнимала его, ложилась животом ему на руку. Илютак не отвечал взаимностью, и Анипа надеялась, что полосы на носу и подбородке ускорят её взросление.

Утром очередного дня месяца береговых лежбищ морского зайца, едва проснувшись, Анипа ощупала своё лицо. Убедилась, что припухлости нет. Довольная, заторопилась из малого спального полога в полог мясной. Мама помогла дочери собрать еду для Илютака. Скучное угощение – кусочки вяленой груди беременной моржихи, одобренные ягодами и корешками. На большее рассчитывать было трудно. Илютак, сидя на лежанке у стены, покорно ждал. Анипа, как настоящая жена, накормила его, а затем сняла с сушильной треноги одежду Илютака. Подала ему нижние штаны из нерпичьей кожи, меховые чулки и летнюю обувь. Подождала, пока муж затянет на штанах кожаные ремешки вокруг бёдер и щиколоток, после чего отнесла объедки в мясной полог – сбросила их в угловой костяной свал, отгороженный китовым ребром и куском моржовой шкуры. Сама обошлась без еды и вскарабкалась по плавниковому стволу на крышу землянки, чтобы с высоты приветствовать пробудившийся Нунавак.

Матыхлюк проснулся раньше остальных, сбегал на Смотровой гребень, а теперь носился по вершине стойбищного холма. Охоты сегодня не ожидалось, но брат по привычке следовал наставлениям Утатауна: наблюдал за полётом птиц и движением облаков – знакомился с погодой. Когда-то этим занимался Тулхи, однако он повзрослел и, принятый в охотники, доверил погоду Матыхлюку. Брат примчался к большому очагу и рассказал Утатауну о запахе и направлении ветра, о цвете перьев и высоте полёта гребенушек, о том, куда летели глупыши, какие они издавали звуки и в каком положении держали крылья. Папа молча выслушал сына, прежде чем отпустить его возиться с охотничьей утварью.

Вокруг каменного очага, окружённого глиняным валиком и обложенного кусками дёрна, собрались все люди Нунавака. Огня не разжигали, без надобности не изводили запас веток и костей, но вполне довольствовались молчащим костровищем. Здесь каждый садился на отдельный китовый позвонок, для удобства сверху присыпанный землёй. Порывы тундрового ветра почти не достигали очага – от него открывался вид на Поминальный холм и Смотровой гребень, однако он был защищён стеной землянки и скалистыми уступами, из-за чего казался упрятым в неглубокую пещеру.

Два года назад, перебравшись в Нунавак, папа просушил выбранную им землянку – единственную построенную сразу на два спальных полога. Для этого запалил жирники и пробил в стенах дополнительные проёмы. Хотел сделать прямой выход к тропинке, но в лицевой стене обнаружил человеческие кости. В неё издавна был закопан умерший предок Анипы – далёкая бабушка Кавиты или кто-то из её родных. Утатаун позволил дочери поддержать череп, возможно, некогда ей принадлежавший. Порадовался, что землянку охраняет столь сильный оберег, возвратил его на место и взялся за соседнюю стену, выбил проход к малому очагу внешнего крытого полога. Не удовлетворившись, перешёл к стене большого спального полога. Одна её опора была целиком, от пола до потолка, составлена из китовых позвонков – в том же порядке, в каком они крепились в хребте живого кита. Утатаун вытащил позвонки и разбросал их вокруг очага вместо камней-сидушек.

К зиме он обычно заделывал оба проёма: один закладывал камнями и дёрном, а в другом восстанавливал кладку из позвонков.

Люди Нунавака, собираясь у большого очага, говорили, что забираются на спину кита, призывали остальных не свалиться, когда кит нырнёт, а потом Акива, папа Тулхи, заявил, что в сущности они сидят на стене. Его слова заставили задуматься. Все переводили взгляд от проёма к позвонкам, хмурились, наконец заулыбались и разом захохотали. Смеялись так, что валились на каменные пластины и моржовые лопатки, покрывавшие тут землю. Покраснев, задыхались и насилиу глотали воздух, до того невероятной была сама мысль о том, чтобы сидеть на стене землянки, а значит, смотреть на её пол так, будто это он – стена, к которой прислонена отвесная лежанка. То есть спать нужно стоя, жир вываливается из жирника, едва его туда положишь, а переход в мясной полог превращается в отдушину. Чем дольше люди Нунавака крутили эту мысль, а заодно и самих себя в пространстве спального полога, тем неудержимее становилось их веселье. Даже сейчас, два года спустя, на китовые позвонки они усаживались с улыбкой. Серьёзными привычно оставались двое: Нанук и Илютак.

Нанук, дочь Айвыхака, редко улыбалась. Осунувшаяся, с худенькими косами, она выглядела болезненной и старой, хотя могла бы родить ещё одного ребёнка. Нанук потеряла мужа и сына, пробовала опять забеременеть – до переселения к ней заходили мужчины соседних стойбищ, – но её брюхо оставалось безнадёжно холодным. В Нунаваке к ней ходили Утатаун и Илютак. К нынешнему лету Нанук перестала их звать, теперь лишь изредка принимала молодого Тулхи и поглядывала на совсем маленького Матыхлюка. Анипа, лежавшая на крыше и украдкой наблюдавшая за взрослыми, понимала грусть в её глазах. Объяснить поведение серьёзного Илютака было сложнее.

Муж Анипы не отвечал на смешки. Китовые позвонки его не веселили. Корчи Кавиты, тщившегося привлечь внимание Утатауна и напомнить ему о своих больных ногах, не забавляли. Илютак ждал, когда остальные успокоятся, чтобы наконец послушать о задуманной в ближайшие дни охоте. Его участие в обсуждении ограничится жестами и кивками. Этого будет достаточно. Люди Нунавака не всегда угадывали, чего именно добивается Илютак, но в целом улавливали его мысль. Анипа надеялась, что однажды научится понимать мужа лучше других и заменит Илютаку язык, которого он лишился.

Анипа ничего не знала о муже. Где он родился? В каком стойбище жил раньше? Почему поселился с аглюхтугмит и почему не противился, когда они ушли от берега в глубь тундры и прекратили общение с береговыми людьми? Когда потерял язык? Да и как вообще можно его потерять?! Папа привёл Илютака, и тот пообещал охотиться с аглюхтугмит, пока сполна не отблагодарит их за полученную жену. Значит ли это, что однажды Илютак возьмёт Анипу в своё родное стойбище? Утатаун от вопросов дочери отмахивался, а расспрашивать мужа Анипа не решалась. Боялась, что муж разозлится и не ответит. А если ответит, то она не поймёт жестов, и Илютак точно разозлится.

Многие поначалу сторонились Илютака. Маленький Матыхлюк боялся оставаться с ним наедине, а бабушка Стулык и дедушка Кавита в его присутствии шептались. Сейчас они привыкли к Илютаку и называли его хорошим охотником, но тогда их поведение настораживало Анипу. Она во всём винила себя, думала: муж молчит, потому что недоволен женой. Потом заметила, как странно он жуёт. Будто ему что-то мешало. Анипа, позабыв осторожность, до того пристально наблюдала за движением губ и челюстей Илютака, что однажды он схватил её за плечи и, сглотив остатки еды, широко раскрыл рот, словно готовился вслед за куском нерпичьего жира проглотить Анипу или, подобно пожирателю, высосать из неё душу. Анипа до того испугалась, что описалась. Не сразу разглядела, что во рту у мужа вместо языка – бордовый обрубок. Над обрубком никто не подшучивал, а вот над тем, как Анипа описалась, мама и брат смеялись в голос. Она сама им призналась. Наверное, иногда хорошо жить без языка – не сболтнёшь того, о чём пожалеешь.

Тот год запомнился Анипе. Дело не только в Илютаке. Случилось слишком уж много необычного. Зима была голодной. Охотники ждали первых полыней, чтобы идти на морского зайца, но ожидание затягивалось. Ушли трое стариков с одним младенцем. Папа, обессиленный, ругался с Амкауном. Анипа с братом жевали размоченные в воде ремни, слизывали с камня растёртые рыбы кости, и брат не переставая плакал. Наконец появился Илютак, пропал Амкауна, а чуть позже папа, не дождавшись вскрытия льдов, увёл мужчин на припай и вернулся с добычей. Обычно мужчины хвалились, в плясках показывали, как именно добыли зверя, и забавлялись собственным хвастовством, и сытый смех был им в радость, а тут ни папа, ни Акива, ни кто-либо ещё и словом не обмолвился об удачной вылазке. Охотники молчали не хуже безязыкого Илютака.

На этом странности не прекратились. Папа позвал аглюхтугмит бросить береговое кочевье Наскук и переселиться в тундру, на всеми позабытый и облюбованный гнусом стойбищный холм, где когда-то жили предки Анипы. Утатаун во сне увидел предсказание новых бед и заявил, что, оставшись на месте, аглюхтугмит умрут, а удачная охота, спасшая их от голода, не повторится. Двое мужчин с жёнами и детьми предпочли сбежать к другим береговым людям – Анипа с того дня о беглецах не слышала, – остальные, жалкая горстка аглюхтугмит, доверились папе и оказались здесь, в Нунаваке.

Переход от летнего кочевья дался им тяжело. Анипа не понимала, к чему торопиться и почему не переждать до первого снега, чтобы нагрузить поклажей нарту и доверить перевозку собакам. На нарту лёг бы и Кавита. Переселение в Нунавак окончательно испортило ему здоровье. Он шёл налегке, однако едва добрался до стойбища и остаток лета пролежал в землянке. Безостановочно стонал, а если не стонал, то ругал своего умершего папу.

Когда Кавита был мальчиком, папа заставлял его плавать в малой лодке: усаживал внутрь, затягивал ремни на обшивке из тюленьих шкур и, убедившись, что вода не попадает в лодку, отталкивал её от берега. Не давал Кавите вернуться, пока тому не становилось совсем плохо. На берег дедушка возвращался с затёкшими ногами и весь обмаранный – не мог долго терпеть и ходил прямо под обшивку. Запах привлёк к нему злых духов. Повзрослев, он лучше других охотников управлялся с малой лодкой и, расхаживая по морю, добыл немало нерп и морских зайцев, зато к старости с трудом передвигался по суше. В последний год болезнь – влажные хрупы и отёки – поднялась от колен к локтям и запястьям, сделав Кавиту беспомощным. К тому же у него укоротились и распухли пальцы. Отвадить докучавших ему злых духов не сумел даже щенок Волчицы, единственной суки Нунавака. Зимой, в луночный месяц, бабушка Стулык умертвила щенка на родовом камне в большом спальном пологе, а его дымящиеся теплом кишки разложила на снегу у землянки. Дедушка дважды переступил через них, однако от болезни не излечился.

Аглюхтугмит привыкли к стонам Кавиты и к тому, что он молит Утатауна о помощи. Вот и сейчас, устроившись на китовых позвонках, они не обращали на дедушку внимания:

говорили о предстоявшей вылазке в море, обсуждали запасы еды в мясных ямах и протёртую обшивку их старенькой лодки, собранной из плавникового дерева, гибких ременных связей и китового уса. Анипа с крыши наблюдала за взрослыми, а потом к ней присоединился Матыхлюк, и толком послушать охотников не удалось.

Брат лёг рядом и принялся сучить ногами, переваливаясь с боку на бок. Поймав недовольный взгляд сестры, захихикал и всем видом показал, что скрывает от неё нечто невообразимое.

– Ну чего ты? – не выдержала Анипа.

Матыхлюк скривился и промолчал. Анипа, раздосадованная, ущипнула его за щёку, отчего брат захихикал громче. Пришлось зажать ему рот ладонью, чтобы не мешать сидевшим внизу взрослым. Наконец Матыхлюк прошептал, что они с Тулхи идут на вершину стойбищного холма – с утра пили много воды и терпели, а теперь готовились выяснить, кто дальше пустит струю. Вскочив, Матыхлюк помчался к отдушине. С грохотом спустился в мясной полог, откуда выскочил к тропинке.

Анипе захотелось посмотреть на состязание Матыхлюка с Тулхи. Она не сомневалась, что сын Акивы брызнет дальше, ведь он старше, однако зрелище обещало быть весёлым. Всё лучше, чем внимать причитаниям Кавиты, предложениям Айвыхака отправиться к Белому простору и жалобам Стулык на то, что злые духи и в Нунаваке обрекли аглюхтугмит на голодную зиму.

Раззадорившись, Анипа бросилась за братом. Нагнала его на вершине холма. Тулхи отругал Матыхлюка за долгую отлучку, но зрителю явно обрадовался. К их появлению Тулхи провёл ограничительную полосу и разложил за ней два ряда камней; в каждом ряду – по столько отметок, сколько пальцев на руке, а последняя из них так далеко, что и взрослому не дотянуться.

Боясь обмочиться, Матыхлюк переступал с ноги на ногу, мялся, гнулся и от нетерпения завывал диким волчонком. Анипа просила его не торопиться – следила за соблюдением правил, которые тут же и придумывала: требовала стоять ровно, не заступать за полосу, не смеяться, не поддавливать живот. Придирками она быстро всех утомила. Матыхлюк и Тулхи зашикали на неё и чуть было не прогнали. Анипа удовольствовалась тем, что ей разрешили определить победителя.

Матыхлюк и Тулхи задрали кухлянки, подождали, пока утихнет косой ветер, и пустили струю. От напряжения и желания победить оба привстали на цыпочки и выгнулись вперёд. Матыхлюк невольно переступил полосу. Это ему не помогло. Тулхи дотянулся до четвёртого камня. Матыхлюк потом тщился отыскать хотя бы маленькое пятнышко мочи на соседнем камне в своём ряду, но случайные брызги были заметны лишь на второй отметке.

Хоть какое-то веселье! Этим летом в Нунаваке отказались от празднеств и даже не подбрасывали друг друга на моржовой шкуре – в прошлом году дольше всех на ногах продержался Утатаун, а мама и не состязалась. Её бы и подкинуть по-настоящему никто не сумел.

– Плохой из тебя охотник, – рассмеялся Тулхи.

– Съешь свою добычу! – ответил ему Матыхлюк и ногой катнул камень. – И зубы не сломай, а то будешь как Акива.

Анипе и Тулхи понравилось, что Матыхлюк злится. На обратном пути они поддразнивали его, наперебой давали ему советы, как дотянуться хотя бы до третьей отметки. Затем Тулхи убежал рыбачить к Ворчливому ручью, а Анипа повела брата проведать собак, прежде чем отправиться на женскую охоту.

Взрослые разошлись по стойбищу, у большого очага осталась одна Канульга. Убедившись, что ничего съестного им не перепадёт, Анипа и Матыхлюк обогнули землянку и сели у ямки с дремавшим Блошиком – братом щенка, которого прошлой зимой умертвили для дедушки Кавиты. Анипа любила Блошика и тогда испугалась, что Стулык заберёт и его, раз уж

кишки первого щенка не помогли, но в Нунаваке старались держать сразу шестерых собак для упряжки, и Блошика никто не тронул. Вообще Айвахак говорил, что молодых собак нельзя гонять наравне с остальными – загнанные, они не проживут и нескольких лет. Нужда заставляла Утатауна запрягать в нарту всех без исключения.

Анипа и Матыхлюк гладили Блошика, его заострённую мордочку с широким лбом. Посмеиваясь, следили, как от воодушевления у него закручивается и без того изогнутый кверху хвост. Блошик отвечал довольным рычанием, но глаза не открывал. Знал, что кормить его не будут. Хотя, конечно, не отказался бы от отвара моржового мяса с комочками свернувшейся крови. Собак и раньше в летние месяцы кормили не чаще одного раза в два-три дня, а по нынешнему времени они порой ждали кормёжку ещё дольше.

– Думаешь, нам повезёт? – тихонько спросил Матыхлюк. – Как тогда, помнишь? Брат мамы пропал, а папа с охотниками привёз нерп и моржей. Я никогда не видел столько мяса сразу. Ну если только в мясной яме.

– Не знаю, – призналась Анипа.

– А хорошо бы. И зимой опять будет весело. Не хочу сидеть в темноте.

– Да, жирник – едок не хуже собаки.

Анипа потрепала Блошика за ушко, пообещала ему принести с охоты что-нибудь съедобное, хотя бы мышку, и уже поднималась на ноги, когда заметила, как из-за Смотрового гребня к стойбищному холму мчится Тулхи.

– Чего это он? – Матыхлюк тоже увидел сына Акивы.

Анипа почувствовала холод в груди. Опять опустилась на землю. Слишком быстро бежал Тулхи. И слишком неожиданно он возвратился, ведь едва вышел из Нунавака и явно не добрался даже до ручья. И где его мешок? Куда подевалась удочка? Где копьё, с которым Тулхи не расставался?

Это Анипа виновата. Она навлекла на стойбище беду.

Тулхи бежал молча, поднимая в воздух травяную пыль, прыжками одолевал валуны и овраги. Кухлянка на нём задралась, из-под неё выглядывал белый живот.

Виновата, потому что по глупости забрела к предгорью Чёрной горы и не предложила его хозяину ничего, кроме бусин и клювика.

Навстречу Тулхи бросился Утатаун. В соседней землянке раздался тревожный голос Укуны.

Виновата, потому что позволила брату поднять с земли проклятый камень, сама держала его в руках и не сразу догадалась смыть бурую грязь с пальцев.

Анипа до крови прикусила нижнюю губу. Матыхлюк прижался к Блошику, словно щенок мог спасти его от пожирателей. Ведь именно пожирателей Тулхи увидел там, за Смотровым гребнем. Именно их приближение напугало его и заставило нестись в стойбище. Пожиратели объявились в Тихом доле и теперь шли сюда, в Нунавак, – по следу, оставленному Анипой.

Растерянная и напуганная, она не заметила, как к ней подскочил Илютак. Муж рывком поднял Анипу и потащил её в землянку. За ними устремилась и Канульга, забросившая Матыхлюка себе на плечо. Нужно было спрятаться, пока пожиратели не добрались до стойбища.

Глава четвёртая. Пляска Белой совы

Пожиратели не брезговали ни больным, ни старым человеком, ни ребёнком. Высасывали их души с наслаждением, причмокивая, как сами дети порой высасывают прохладную гущину из крупных нерпичьих глазок. Анипа с грустью подумала, что в последний раз Утатаун приносил глаза нерпы больше года назад. Она бы не отказалась на прощание разделить парочку с Матыхлюком. Неужели им никогда не попробовать китовой кожи? Не напиться ягодной воды, смешанной с кровью молодого моржа? Не вдохнуть морской запах сайки, сваренной с тюленьим жиром? Анипа сглотнула пустую слюну и удивилась собственной глупости: разве можно сейчас думать о еде?! Став червцом, она познает подлинный голод, и других мыслей у неё не останется. Червецы не помнят родства, забывают собственное имя, в звучании которого раньше оживали их дальние предки. Они лишь в остервенении мечутся по тундре в надежде раздобыть человеческий мозг.

Анипа протянула руку и под ворохом одежды нащупала плечо брата. Матыхлюк был рядом. Это успокаивало. Мама спрятала их на лежанке в большом спальном пологе, прикрыла зимними кухлянками, штанами и дождевиками из моржовых кишок, запретила высовываться наружу, а сама ушла. В отличие от детей, взрослые могли сопротивляться пожирателям. Старик Айвыхак рассказывал, как береговые люди иногда выходили против них с копьями, как гнали их прочь от стойбищ. Правда, пожиратели возвращались и обрушивали на людей всю силу своего гнева: ломали утварь, вытапывали очаги, изводили собак.

Блошик! Он ведь тоже ребёнок. Анипа прежде не задумывалась, как пожиратели поступают с щенками. Высасывают их души? Или просто убивают? Почему мама не привела Блошика в землянку? Вот бы тот догадался убежать из Нунавака! Он знал тропку возле Поминального холма, мог бы затаиться где-нибудь в Месте, где рассеивается туман, и там переждать беду. К счастью, охотники летом не привязывали собак, лишь Акива сажал на привязь Хвоста, если тот становился чересчур игривым и настырно лез под руку.

Анипа поборолла желание выскочить из землянки за щенком. Мама велела прятаться. Не открывать глаза. Зажимать уши руками. Не шевелиться. И ждать, когда вернутся родители, пусть бы ожидание затянулось на весь день. Хорошо, что Матыхлюк, состязаясь с Тулхи, пописал, иначе обмочил бы папину кухлянку. Анипа усмехнулась, и страх отчасти отступил. Его опять сменило чувство вины за недавнюю прогулку под Чёрной горой.

Кровь на прокушенной нижней губе загустела. Анипа скovyрнула мягкую корочку. Ощупала ранку и поднесла пальцы к глазам. Солнечный свет проникал в спальный полог через проём в стене, но лежанка – земляная насыпь, утоптанная и затянутая моржовыми шкурами, – располагалась в неосвещённом углу. Под ворохом одежды было совсем темно, и Анипа не разглядела крови. Вновь потрогала ранку, испугавшись, что та повредит чёрным полосам, потом заскучала.

Может, Тулхи что-то напутал? Увидел медведя, росомаху или оленных людей, обычно сюда не забредавших, и принял их за пожирателей? Анипа прислушалась. Ничего. Ни криков, ни грохота. Беспредельная тишина, накрывшая стойбище. Нунавак, кажется, не беспокоили даже порывы ветра.

– Эй... – Анипа позвала брата.

Матыхлюк не ответил. Он, конечно, лежал зажав уши. Ни любопытство, ни боль не заставят его отнять руки от головы. Анипа опять дотянулась до брата, пощекотала его под мышкой, затем ущипнула. Матыхлюк дёрнул ногой – угодил сестре в колено и продолжал озлобленно брыкаться, пока она не отстала.

– Эй! – шёпотом возмутилась Анипа.

Улыбнувшись, подползла к брату. Хотела в отместку укусить его за шею, но тут уловила странный запах. В землянку будто напустили дым. Он проникал через наваленную на детей одежду, становился всё более густым. В горле запершило. Матыхлюк подавился сдавленным кашлем. Побоялся звуками привлечь к себе внимание, но стерпеть зловонья не смог и весь закрутился на месте, стараясь закопаться в лежанку. Анипа его больше не донимала. Тулхи не ошибся. Пожиратели добрались до Нунавака. И они были уже близко.

Анипа зажмурилась. Прежде чем она успела придавить уши ладонями, под стойбищем громыхнул гром. Страшный сухой гром, не похожий на тот, каким дышат грозовые тучи. Да и в солнечный день над тундрой не было облаков, а звук пришёл от склонов Смотрового гребня.

Следом раздался крик.

Громкий крик о помощи.

Анипа почувствовала себя беззубым моржом, заприметившим косаток и больше напуганным хлопотами взрослых, чем приближением хищников, о безжалостности которых он знает только понаслышке. От них не спасут ни отвага клыкастых самцов-шишкарей, ни забота раздобревших самок. Спасёт лишь берег, однако он далеко, а морженок в море и беззащитен. Кавита рассказывал, что люди научились хлопать по воде пластинами китового уса шириной в две ладони, и моржи, уверенные, что это хвостовыми плавниками хлопают косатки, опускали головы – ждали нападения снизу. Охотники подкрадывались к ним в малых лодках, сверху беспрепятственно били их гарпунами и копьями. Матыхлюк слушал дедушку и восторгался находчивостью людей, Анипа его восторг разделяла, а сейчас впервые пожалела обманутых моржей.

Анипа ладонями обхватила затылок, сдавила голову предплечьями, вся скукожилась и попробовала ещё глубже спрятаться под наваленными на неё кухлянками и дождевиками. Докопалась до моржовой шкуры, закрутилась в неё, оголила под собой прослойку старого мха. За годы он слежался и стал твёрдым, как укрытая им земляная насыпь. Здесь спали, отсиживались в непогоду и веселили друг друга не одно поколение предков Анипы. Возможно, и далёкая бабушка Кавиты – Белая сова – в детстве лежала именно тут, на этом самом месте. Анипа уткнулась в мох носом, будто могла почувствовать запах Белой совы и так защитить себя от зловонья, из-за которого во рту скопилась горькая слюна. Анипа тихонько зашептала слова из пляски Белой совы:

За Чёрной горой не спит пожиратель,
он ищет Белую сову.
Он её никогда не найдёт.
Сова летит над темнеющей тундрой,
и тень не выдаст её пути.

Анипа представила, как пляшет с далёкой бабушкой Кавиты. Подумала, что при желании вернётся в её тело – обратится Белой совой, чьи кости таились в лицевой стене землянки. Поднимется с лежанки и поначалу не заметит перемен. Тот же спальный полог под надёжной крышей из китовых рёбер и челюстей. Сушильная тренога с развешанными на ней чулками, камлейками и набедренниками. Разобранные санки под потолком и гладкие, будто промятые пластины на полу – мужчины стёрли их, из года в год затачивая о них каменные ножи и накопечники стрел. Всё знакомое, не изменившееся за многие поколения предков Анипы. Они проносили одинаковые слова, надевали неизменные одежды, смеялись общим смехом, а после смерти продолжали жить в схожих телах.

Анипа отойдёт от лежанки, а с ней, повторяя её шаги, пойдут Анипы, в чьих телах она жила прежде. За ногой, словно отражения в мутной воде, потянутся в точности такие же босые ноги. Когда Анипа остановится, они её нагонят и сольются с ней, восстановив потревоженное

движением единство. Потребуется время, чтобы привыкнуть к множественности своего тела. Анипа поведёт рукой, наблюдая за дымкой других рук. Многорукая, многоногая и многоголовая, она закружится, играя с наполняющими её Белыми совами, превращаясь в белый ветер, затем успокоится и перестанет обращать внимание на рассеянные отражения. Возьмёт горстку жира, взобьёт её костяной лопаткой и положит на дно глиняного жирника, а на возвышение внутри него высыплет измельчённые стебли сухого мха. Деревянным стерженьком натрёт крохотных углей, от них запалит уже пропитавшийся жиром мох и осветит спальный полог, чтобы рассмотреть его получше.

Анипа обнаружит, что в стене нет проёма, выводящего к большому очагу, под разобранными саями нет родового камня. Но, главное, она будет точно знать, что там, снаружи, нет пожирателей. Они ещё не проводали о береговых людях, не отравили их жизнь. За Чёрной горой не лежит Скрытое место, да и сама гора зовётся иначе, а место за ней считается вполне открытым и доступным. Прежние Белые совы бегали туда за ягодами и дикоросами. Ранними зимами, когда нагонные льды закрывали море до самых дальних вод, именно там косатки выбирались на берег – превращались в волков, уходили охотиться в тундру, а люди издали любовались ими, провожали их, чтобы опять встретить в первые дни весны.

Анипа захочет спуститься со стойбищного холма, пробежаться по привычно желтеющей траве между разбросанными по округе белыми валунами и синеющими оврагами, вольным криком поприветствовать летящих в небе глупышей, не боясь при этом, что её услышат пожиратели или червецы. Однако Анипа остановится у мясного полога и, помедлив, вернётся назад, к лежанке. Протянет руку под сваленные шкуры. Едва коснувшись своего тела, вновь станет дочерью Канульги и Утатауна, а прочие Белые совы покинут её, оставив тревоге нынешнего дня.

– Нет... – выдавила Анипа, против воли пробуждаясь от морока.

Рот свело от протяжного зевка. Под языком скопилась горечь. Уши болели, но Анипа не отнимала от них рук. Не знала, как долго длится её заточение под кухлянками и штанами родителей. А ведь тут были и вещи Стулык, Кавиты, Матыхлюка. Много вещей. Анипа взмокла под ними. Вспомнив о брате, попробовала нащупать его ногой. Запуталась в складках моржовой шкуры, прежде покрывавшей лежанку, а теперь с головой спрятавшей Анипу. Позвала брата шёпотом, но поняла, что не услышит ответа. Тогда прижалась ухом ко мху, высвободила руку. Водила ею по сторонам и наткнулась на разгорячённого Матыхлюка. Схватила его за локоть. Или колено. Отдёрнула руку, языком размазала по своей ладони сухую слюну и вновь коснулась брата. Он не исчез. Значит, настоящий.

Зловонье ушло. Или Анипа привыкла к нему и теперь его не замечала? Попробовала перевернуться на спину, но тяжёлое тело не послушалось. Грудь сдавило тошнотой. Анипа побоялась, что её вырвет. Не открывая глаз и ушей, она прошептала себе, что лежит в брюхе у кита. Пожирателям сюда не пробраться. Они не догадаются искать детей под старыми китовыми рёбрами. Убаюканная собственным шёпотом, Анипа заснула и в самом деле встретила кита. Приглашая зайти внутрь, он приоткрыл пасть. Анипа раздвинула тяжёлую завесу китовых усов, распушённых на кончиках и по краям, с улыбкой заметила застрявших в ней разноцветных рачков. Шла, пока не добралась до землянки в брюхе. Поторопилась к спальному пологу, бросилась на лежанку и утонула в одежде – достигнув мохового дна, вновь увидела приветливо распахнутую китовую пасть, и всё повторилось с начала. Беспрерывная круговерть, уводившая Анипу на самые глубины сновидений.

Проснувшись от жажды, Анипа больше не смогла заснуть. Вспомнила крик о помощи. Он раздался после прихода пожирателей. Кто же кричал? Неужели Укуна? Или Нанук? Уж точно не мама. Не всё ли равно? Аглухтугмит мертвы. Или превратились в червецов. Анипа с братом остались вдвоём. Что же делать? Бежать к морю, к брошенным пологам летнего кочевья? Или искать Белый простор? Но как его найти, если Анипа не уходила дальше Места, где злятся

старые волки? Она не отыщет тропу предков, если только ей не помогут прежние Белые совы – не укажут путь прозрачными следами сотканных из дыма ног... Когда её, беспомощную, поймают пожиратели, Анипа станет последней Белой совой, а Матыхлюк – последним Чёрным вороном. Уж лучше не покидать землянку. Уснуть, чтобы однажды проснуться в новом теле вдалеке отсюда...

Анипа извелась от жажды. Хотела писать. Распаренное тело зудело. По нему словно ползли колючие червячки, и Анипа елозила, мхом расчёсывала плечи и лоб. Матыхлюк тоже не находил себе места. Они вдвоём копошились под одеждами, ударяли друг друга пятками и коленями, постанывали от боли и отчаяния. Анипа боялась, что не сдержит слёз, и опять прикусила без того саднившую губу, но тут на её шею опустилась прохладная ладонь. Анипа повернулась на бок и сквозь сомкнутые веки увидела слабый свет. За ней пришла мама.

Канульга сгребла детей в охапку, прижала к груди и долго не отпускала. Молчала и показывалась, стоя у разворошённой лежанки, а когда поставила детей на пол, они сами заговорили наперебой в надежде узнать, что же случилось в Нунаваке. Мама пробовала отвечать, но, засыпанная вопросами, потерялась и ограничилась улыбкой.

Выбежав из землянки, Анипа первым делом проведала Блошика. Удивилась, обнаружив щенка беззаботно спящим в ямке у внешнего полога. Он словно и не заметил прихода пожирателей. Неподальёку мирно спал Четырёхглазик. Анипа обхватила его растрёпанную лохматую шею, уткнулась в неё носом. Старенький пёс недовольно заворчал и зевнул, показав красную, пахнущую тёплой влагой пасть. Рассмеявшись, Анипа помчалась по тропинке. За ней устремился и Матыхлюк, на ходу разминавший затёкшие ноги и руки.

Анипа с братом дважды сбегали вверх и вниз – от подножия стойбищного холма до его вершины. Не обнаружили крови или бездыханных тел. Землянки стояли нетронутые, мясные ямы никто не вскрыл. Ни пугающих звуков, ни смрада. Успокоившись и переведя дыхание, Анипа вспомнила, как сильно хочет писать, однако решила потерпеть ещё чуть-чуть и ринулась пересчитывать людей Нунавака. Нашла всех, кроме Утатауна. Испугалась за папу, а потом увидела, как он идёт от Смотрового гребня – должно быть, ходил к Ворчливому ручью убедиться, что опасность миновала.

Анипа попросила папу рассказать о столкновении с пожирателями. Пристала к Акиве, его жене Укуне, дёрнула за рукав Айвыхака и Нанук. Понадеялась, что Илютак жестами покажет, как бросает копьё или швыряет камни. Анипе никто не ответил. Взрослые выглядели непривычно хмурыми. О чём-то тихонько переговаривались, а завидев Анипу, умолкали.

– Это потому что я привела пожирателей? – спросила Анипа.

– Ты никого не приводила, – отозвался Утатаун. – Они сами пришли.

– И придут вновь, – добавил Айвыхак.

Анипа растерялась. Почему же аглюхтугмит не хотят рассказать ей и Матыхлюку о случившемся? Почему не радуются победе над пожирателями и шепчутся украдкой, словно боятся, что дети их подслушают? Даже Тулхи избегал Анипу, а когда она поймала его у нижней пустующей землянки, ничего толком не объяснил.

– Ушли, и всё, – буркнул он. – Хорошо, что так. Вы спрятались, и правильно сделали.

– А ты?

– Я уже взрослый, если не заметила.

– А кто кричал? Я слышала, как прогремел гром и... кто-то крикнул, позвал на помощь!

– Тебе следовало крепче зажать уши.

Тулхи говорил грубо и показывал, что торопится на прерванную рыбалку, но в его взгляде Анипа угадывала грусть. Тулхи смотрел на неё с сожалением, и это пугало не меньше, чем его нежелание говорить о пожирателях.

Глава пятая. Стулык ищет чистый рот

Пожирателей иначе называли тугныгаками. Никто точно не знал, откуда они пришли. Одно было известно наверняка: в земли береговых и оленных людей их привёл голод. Поговаривали, что пожиратели родились под заходящим солнцем – там, где трава растёт высоко и поднимается до неба, а жили они в скалах, поднимавшихся ещё выше. Летом вокруг тех скал ложился раскалённый снег и по сугробам ползли ядовитые черви.

Айвыхак впервые увидел пожирателей в детстве. Они выходили из земли, освещали ночь вспышками огненных луков и оглушали всех громopodobным рёвом. Охотники падали замертво прежде, чем успевали метнуть копье. Тугныгаки раскрывали свою жадную пасть, обдавали зловоньем, и обнажали зубы, растущие ряд за рядом до глубоких внутренностей, и до самых плеч заглатывали головы людей, высасывали из них душу. Высосав без остатка, шли дальше, оставляли за собой червецов – опустевшие оболочки несчастных женщин и мужчин.

Голод лишил пожирателей жалости, однако наградил невероятной силой. Забравшись на орла, они летели по небу и грозили хозяину Верхнего мира – он прятался за облаками и так дрожал, что на землю обрушивались губительные ливни. Усевшись на косатку, плыли по волнам и пугали хозяина Нижнего мира – он забивался в расщелины морских глубин и так дрожал, что на поверхность поднимались ужасающие бури. Поймав волка, тугныгаки мчались по тундре, и поспорить с ними не решался даже могучий белый медведь. Их единственной слабостью была подслеповатость, и они не заметили притаившегося в мясной яме тогда ещё маленького Айвыхака.

Подождав, когда ближайший пожиратель повернётся спиной, Айвыхак выскочил из ямы и бросился бежать прочь от разрушенного стойбища. Он три дня бежал по крепкому зимнему насту и ни разу не остановился. Добравшись до реки, упал без чувств. Проспал три дня, а когда проснулся, камнем прорубил прорубь и на ремешок поймал живого младенца. Айвыхак растерялся, не зная, как с ним поступить, но вскоре младенец замёрз, и Айвыхак отломил от него ручку. Съел её. Насытившись, опять побежал. На ходу отламывал от младенца ножки, вторую ручку, наконец съел его без остатка. На пятый день упал и приготовился умереть. Понял, что сам не поднимется, но услышал, как поблизости лают собаки. Из последних сил позвал на помощь и заснул мёртвым сном. Не слышал и не видел, как рядом с ним остановилась нарта.

Папа Кавиты спас Айыхака. Привёз его, исхудавшего и обмороженного, в стойбище аглюхтугмит и назвал братом Кавиты, тогда свободно стоявшего на здоровых ногах, но уже плававшего в малой лодке не хуже взрослых охотников. С тех пор Айыхак видел пожирателей лишь издали. Аглюхтугмит, в отличие от других береговых людей, долгие годы умело прятались от тугныгаков – уподобились оленным людям и жили в кочевьях, переходя с места на место и селясь в отдалении от моря.

Айыхак иногда рассказывал о тех днях. Вспоминал растерзанных сестёр и бледное лицо мамы, успевшей взглянуть на него прежде, чем угодить к пожирателям. Анипа жадно слушала Айыхака и толкала в бок Матыхлюка, когда брат пытался перебить старика нелепым вопросом. Разговоры о тугныгаках его пугали, если не удавалось вставить про них какую-нибудь смешную глупость. По словам Айыхака, они были вдвое выше самого высокого человека. Перед ними даже Канульга показалась бы ребёнком. Их тела, отчасти покрытые бурой шерстью, белели, как слежавшийся весенний снег, а в глазах светился голубой лёд. Кишки пожирателей неугасимо тлели в раздутом животе, отчего у них из ноздрей и раскрытой пасти шёл серый дым.

– Поэтому они голодные. За день съедают столько, сколько нам с тобой не съесть и за год, а голода не утоляют. Червецы едят мозги и больше ничего не берут, а тугныгаки, если надо,

сожрут и землю, и камень. Где поселятся, там всё пропадает, как в Чёрных землях. Они и друг друга жрут, когда особенно голодны.

– И зверя? – спросила Анипа.

– И зверя! Сколько было китов, тюленей, моржей! Где они теперь? Одни кости. Вот и охота плохая. И люди голодают, но наш голод с их голодом не сравнится. Мы-то, если поедим, сытые и счастливые. Радуемся жизни, смеёмся. А тугныгаки не знают ни радости, ни покоя. Проглотят кита, не посмотрят, кто он и откуда, и плывут за следующим.

– Если они столько едят, – воскликнул Матыхлюк, – сколько же они гадят!

– Молчи ты! – Анипа толкнула брата.

– Ну правда! У них там, за Чёрной горой, наверное, холмы из какашек!

– Глупый, – разозлилась Анипа. – Неужели не ясно? У них в животе всё сгорает!

– Значит, какают углями? – не сдался Матыхлюк.

– Это ты какаешь углями, когда наешься голубики! А у них сгорает так, что ничего не остаётся. Вообще!

– Верно, – кивнул Айвыхак. – У пожирателей и ночью в животе бурчит. Кишки тлеют, скрипят, не дают уснуть. Пожиратели не выносят тишины. Им нужно, чтобы вокруг было громко. Поэтому и за душой человека охотятся. Сами от голода всё позабыли, а в наших душах – история: кем мы были, где жили, что видели. Высосанная душа тает, как лёд под летним солнцем, а пока тает, рассказывает свою историю от первых дней. Пожиратели её слушают и на время отвлекаются от бурчания в животе. Если не напьются человеческих душ, спать не могут и очень злятся.

– Что остаётся от души, когда она совсем растает? – тихонько спросила Анипа.

– Ничего. Даже пятнышка. Она исчезает. А червецы без неё ходят пустые внутри. И тот, кто должен был родиться с их душой, уже не родится. Почему, думаешь, Нанук сидит без детей? А сами тугныгаки плодятся. Человеку, чтобы родиться, нужна душа, а у новорождённых тугныгаков вместо души – голод. Голода на всех хватит, он бездонный. Бывает, что тугныгаки уводят живых. Селят их в своих землянках и заставляют день-ночь напролёт петь песни, плясать и бить в бубен. Вот как не любят тишину! Крошат скалы, ломают плавниковое дерево, колотят по земле, только бы заглушить скрипящие кишки. И обвешивают себя проклятыми камнями, чтобы они на ходу гремели. Идёт пожиратель, или едет на волке, или летит на орле, а его издали слышно.

– Я видела такой камень. Гладкий, будто обточенный. И пачкается бурой грязью.

– Да... – протянул Айвыхак. – Их много под Чёрной горой. И на берегу, ниже Скалы оголённых клыков. Тугныгаки иногда нарочно их бросают, чтобы человек испачкался, – метят его и отслеживают. Если уж не понял и схватился, надо сразу руку ополоснуть водой, а потом натереть корнем кисличника. А лучше нерпичьим жиром.

– Я ополоснула. Но про корень не знала...

– Ну, пожиратели до нас добрались бы и без тебя. Так что не думай. Но будь умнее.

– А почему... – Анипа не сразу решилась задать вопрос, – почему пожиратели никого не тронули? Здесь, в Нунаваке.

– Утатаун пока хитрее.

– Почему «пока»?

– Надолго его хитрости не хватит. Он не первый. Были и другие хитрецы, да где они? Брат Канульги был не глупее.

С того дня, как пожиратели побывали в стойбище, Анипа ждала, что они вернутся за ней и Матыхлюком. Мучилась от путаных сновидений, часто просыпалась. Не помогали даже объятья Илютака – муж крепко держал её во сне, будто боялся, что она убежит и наделает глупостей. Однако пожиратели не спешили показаться, и страх перед ними постепенно ослаб.

Начался месяц ухода из гнёзд молодых кайр. На берегу, куда Анипа продолжала тайком бегать за водорослями и мелкой рыбёшкой, всюду виднелись чёрно-белые тельца беспокойных птиц. Они жили на недоступной высоте скалистых утёсов, но Тулхи изредка приносил их продолговатые яйца. Недавно кайры, споря за удобные места для будущих гнёзд, оглашали побережье непрерывным гомоном – галдели так, что Анипе становилось дурно, – а сейчас поутихли. Их крики сменились рокотом осеннего наката.

– Ветер пахнет скорым холодом, – сказала Стулык.

Дни стали короче, ночи темнее и тише. Чаше дуло с моря, принося иссиня-чёрные тучи и грозя нагнать к берегу первые пластины хрупкого льда. Реже дуло из тундры, возвращая сухую погоду и позволяя аглюхтугмит готовиться к близкой зиме. Если ночью над стойбищем без устали моргали звёзды, утром из землянок никто не выходил – все знали, что дождевой ветер будет сильный, против него не устоять даже на четвереньках.

Анипа по утрам сучила нитки, носила с речки чистую воду, толкла глину с песком и ходила к Нанук лепить глиняные плошки, училась украшать их, прикладывая к сырым бортикам костяные лопатки. Затем одна или с Укуной убегала к Утиному озеру собирать последние дикоросы, а вечером садилась в большом спальном пологе и вместе с мамой чинила старую одежду. Переселившись в Нунавак, аглюхтугмит не встречались с оленными людьми и вынужденно берегли меховые рукавицы, верхние штаны, кухлянки, на каждую из которых ушло бы сразу две оленьи шкуры. Канульга, сидя на подогнутых ногах, работала молча, без радости или грусти. Не сразу отвечала дочери, если та обращалась к ней с вопросом, изредка застывала над подлатанным чулком и слепо смотрела на свои руки. Жирников не зажигали, оставались в потёмках. Анипа, глядя на маму, вспоминала других Белых сов и завидовала их счастливой жизни в годы, когда никто не знал о пожирателях.

Анипа с ранних лет мечтала носить красивые полосы на лице, хорошо мять, скоблить и колоть моржовые шкуры, варить мясо. Сытно есть и спать в тёплой землянке. Съедать и изнашивать то, что дают море и тундра, а когда придёт время, пригласить свободную душу – родить ребёнка. Разве нужно что-то ещё? Почему же тугныгаки не удовлетворятся подобными мечтами? Что с ними случилось? Что пробудило в них вечный голод? Этого не знал даже Айвыхак.

В месяц ухода из гнёзд молодых кайр Матыхлюк незаметно повзрослел. Мог, как и прежде, носиться по стойбищу, смеяться над сказками Анипы, но теперь много времени проводил с охотниками и, подражая Илютаку, выглядел до смешного серьёзным. На днях папа дал ему охотничий ремень с точильным камнем, мотком жильных верёвочек и двумя ножами: первый побольше – деревянный, второй поменьше – каменный. Матыхлюк ходил гордый, не выпускал из рук закидушку с крупными моржовыми зубами и норовил показаться всем в Нунаваке в своём охотничьем облиии. По вечерам Утатаун брал сына на лежанку и рассказывал ему, как поймать морского зайца, как подловить нерпу и загарпунить плывущего моржа. Обещал в месяц белого тумана взять Матыхлюка с собой на лёд и помочь ему добыть первого зверя. Анипа, сидя с мамой на полу, прислушивалась к их разговору. Знала, что её на лёд не позовут, но довольствовалась и тем, что воображала себя охотницей, способной следовать наставлениям Утатауна.

– Когда подплыл, за копьё не хватайся, – поучал папа. – Ранишь моржа, он нырнёт, потом не найдёшь. А если убьёшь – потонет. Что летом, что зимой моржовая туша на воде не держится. Для начала его надо загарпунить. В одной руке – гарпун, в другой – верёвка. Только издалека не бросай, иначе не проткнёшь. Тут сила нужна, шкура-то крепкая.

Матыхлюк повторял за Утатауном. Не сходя с лежанки, изображал, как охотится из лодки, и злился, если в чём-то ошибался, отчего волновался и ошибался вновь. Анипа посмеивалась над братом. Иногда, чтобы позлить его, наперёд отвечала на папины вопросы. Утатаун не обращал на дочь внимания, а Матыхлюк аж пыхтел от недовольства.

Анипа прежде видела, как Илютак готовится к выходу в море, и не меньше брата знала об охотничьей утвари. Могла показать, где у гарпуна древко, вырезанное из ветви плавникового дерева, где костяные головка и колок, а где наконечник из моржового клыка, хорошенько размягчённого в моче и затем обтёсанного до тонких кромок. Анипа слушала, как папа учит Матыхлюка в землянке, подглядывала за ними, когда они выходили к летнему очагу, и вскоре поняла, что наконечник на колке сидит свободно, может ненароком отвалиться, поэтому привязанную к нему верёвку держат с натяжением. Когда же охотник бьёт моржа, гарпун рассекает его шкуру, и тут важно вовремя дёрнуть за верёвку: древко отвалится и упадёт в воду а наконечник повернётся внутри моржовой туши, намертво застрянет в ране и не выскочит, как бы морж ни крутился, между тем другой конец верёвки останется привязанным к нерпичьему поплавку. Двух поплавков достаточно, чтобы удержать зверя, не дать тому уйти под воду. И когда зверь загарпунен, приходит очередь добойного копья.

– Добить моржа трудно, – говорил Утатаун. – Они лодку прокусит, и человека подранит. Опасайся его клыков, даже когда думаешь, что убил. Лучше стукни по голове камнем. А если действительно убил, надрежь ему шею, и надуй, как надувают поплавков, и веди до берега.

Утатаун отдал сыну старый гарпун, и Матыхлюк спускался к заброшенным землянкам в подножии стойбищного холма – там бил вырезанную из земли и уложенную на камень дернину. Илютак или Акива изредка останавливались понаблюдать за ним. Отвлекались от своих дел и поправляли его неточные движения, показывали, как именно держать верёвку и когда её дёргать, чтобы повернуть высвободившийся наконечник. Анипа просила у брата гарпун – ей и самой хотелось проткнуть парочку воображаемых моржей. Матыхлюк с криком прогонял сестру, а потом, счастливый, прибежал к ней, чтобы похвастать мозолями, оставленными шершавым древком на его ладонях.

Матыхлюк не выпускал из рук гарпун и самостоятельно вытесал два каменных вкладыша – с ними наконечник гарпуна должен был глубже входить в моржовую тушу, – однако на морскую охоту его всё равно не взяли.

Матыхлюк взвыл от обиды, убежал к Поминальному холму и не вышел проводить охотников. Потом ходил хмурый, понимал, что повёл себя глупо. Недовольный собой, вновь взялся за гарпун и возился с ним, пока совсем не обессилел.

После недавнего появления тугныгаков мужчины не решались надолго покидать Нунавак. Вдали от землянок, лишённые силы берегов, они сами могли стать добычей, но больше опасались за тех, кого бросали беззащитными на стойбищном холме. Кто поднимет камень или копье против неуязвимого противника? Чья хитрость помешает пожирателям добраться до детей, женщин и стариков? Едва ли тугныгаков отвадят одинокая Канульга и голодные собаки, которых папа оставил в Нунаваке. Однако рано или поздно охотникам пришлось бы уйти. Пустовавшие мясные ямы не оставили им выбора. Зима предстояла тяжёлая.

Мужчины скрылись за холмами, ограждавшими Ровное место, и Стулык заторопилась к Ворчливому ручью. Позвала с собой Анипу, чтобы она выучила её слова. Разговаривать с духами бабушка не умела, но знала, как усмирить слишком уж ветреную погоду – если осенние накаты опрокинут лодку охотников, Утатаун, Илютак, Акива и Тулхи не вернуться. Береговые люди тонули не хуже убитых моржей.

Стулык, сгорбившись, ходила вдоль ручья. Искала удобное место и вслух ругала себя, будто была худшей из женщин на всю тундру, а больше прочего ругала свой рот, грязный и не способный докричаться до хозяев Верхнего и Нижнего миров. Бабушка пальцами оттягивала себе язык, пачкала его землёй и украдкой поглядывала на Анипу, подмигивала ей, затем принималась с новыми силами поносить себя и укорять в излишней любви к нерпичьему жиру.

– Сколько съела! Пакостный рот, весь развалился! Кто будет его слушать?!

Последние зубы Стулык, как и Кавита с Айвыхаком, потеряла давно, до переселения в Нунавак. А вот Акива решил не дожидаться старости. Ещё до рождения Тулхи он загарпунил

и заколол в открытой воде моржа. Подтянул к себе за верёвку и готовился ударить камнем по голове. Если морж не испустил дух, то непременно дёрнет, и верёвку нужно сразу выпустить из рук, иначе тебя опрокинет в море. Акива подумал, что умнее других охотников, и взял её в зубы – сказал себе, что почувствует малейшее движение зверя. К тому же открыть рот проще, чем вовремя разжать кулак. Оказалось, что не проще. Акива остался без части зубов. Но моржа добил и дотянул до берега, а в стойбище, глядя на его косую улыбку, долго не могли оправиться от смеха.

Бабушка продолжала ходить между камнями, ругалась. Опустилась на колени и с громким хлопом, заставившим Анипу вздрогнуть от отвращения, выплюнула грязный рот прямоком в Ворчливый ручей. Течение подхватило его и унесло прочь, в сторону Прячущихся озёр. Стулык заплакала и вытянула к ручью руки, показывая, что жалеет о своём поступке. Водная старуха сжалилась над ней: пообещала вернуть бабушке рот, а пока одолжила свой, чистый. Стулык поднялась на ноги. Теперь она без труда докричалась до хозяев Верхнего и Нижнего миров. Попросила их заступиться за охотников Нунавака: укротить ветер и ослабить морские накаты.

– Теперь будет хорошо, – заявила бабушка. – Меня слышали. Поняла, как обхитрить Старуху?

– Поняла, – улыбнулась Анипа.

– Делай так, когда есть нужда. И не вздумай оставить рот себе. Обязательно верни. Иначе Старуха разозлится, подстережёт тебя на бродах и утопит. Или зимой откроет под тобой лёд и ты провалишься. Да и чистый рот тебе ни к чему. Всё равно, как поешь, уже не сможешь говорить ни с морем, ни с небом.

Стулык покорно дождалась Водной старухи. Сплюнула ей взятый на время чистый рот, а в горсти студёной воды приняла свой – грязный. Вернувшись в Нунавак, Анипа забралась на вершину стойбищного холма и прислушалась к ветру. Он действительно притих, а потом вовсе перестал. Охотники спустятся на берег, подойдут к сушилам из китовых челюстей, начнут снимать с них большую лодку – единственную у аглюхтугмит – и удивятся, завидев при-смирившее море. Впрочем, Утатаун догадается, что без уловов Стулык тут не обошлось.

К вечеру похолодало, выпал первый снег и совсем пропал приставучий гнус. Айвыхак сказал, что зима будет ранняя. Анипа посмотрела на Поминальный холм, затем вернулась в землянку и обняла Канульгу. Спать осталась в пологе родителей, не хотела возвращаться на опустевшую лежанку и, прежде чем уснуть, долго прислушивалась к беспокойным стонам дедушки, к сопению бабушки и умиротворяющему дыханию мамы и брата.

Глава шестая. Зелёные сполохи неба

Анипа достаточно слышала о лукавстве пожирателей и не понимала, как Утатаун прогнал их из Нунавака. Намёков на хитрость ей было недостаточно. Раздосадованная, она не находила себе места, а на третий день после нападения тугныгаков – ещё до того как мужчины собрались на охоту, – любопытство пересилило страх, и Анипа обошла Смотровой гребень. Матыхлюк отказался идти за сестрой и предложил ей, раз уж она такая глупая, не возвращаться в стойбище – бежать до Чёрных земель, там отыскать пожирателей, хорошенько их расспросить и разделить участь Амкауна. Матыхлюк всё равно помчался за Анипой, но прятался за валунами и держался в отдалении. Анипа и сама не знала, чего ищет. Без толку бродила вокруг гребня, заглядывала в овраги, захваченной из Нунавака беговой палкой тыкала во влажные кочки, а потом нашла. Настоящие следы тугныгаков. Никто другой не смог бы оставить после себя ничего подобного.

В земле виднелись ямы-западинки – рытые, глубокие, обсыпанные серым пеплом. Трава вокруг них поникла и почернела. Камни лежали расколотые, а между ними попадались высохшие тушки мёртвых полёвок. Западинки шли в сторону Тихого дола, указывали на Чёрную гору. Анипа ждала, что они приведут её к Ворчливому ручью, однако вскоре следы прекратились. Дальше лежала не тронутая порчей тундра. Идти бродом и продолжать поиски в Тихом доле Анипа побоялась. К тому же знала, что Матыхлюк, не выпускавший сестру из виду, помешает ей – побежит в Нунавак и приведёт обеспокоенных родителей.

Ни проклятых камней, ни клоков бурой шерсти. Только шесть западинок, довольно внушительных, пугающих и всё же, как представилось Анипе, незначительных.

– А чего ты ждала? – пробурчала она вслух. – Ядовитых червей? Откушенных китовых голов?

– Эй! – Матыхлюк боязливо выглянул из-за валуна. – Ты там с кем?

– С мёртвыми... – начала Анипа и умолкла, не придумав, о каких именно «мёртвых» сказать брату.

Матыхлюк отскочил от валуна и припустил обратно, по тропке в Нунавак. Анипа, смеясь, окрикнула брата. Он и не подумал оборачиваться. Перепугался, будто в самом деле увидел мертвецов. Пришлось закинуть на шею беговую палку, с обоих концов придавить её руками и мчаться за братом, чтобы перехватить его прежде, чем он наболтает лишнего Канульге или Утатауну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.